

Д.Б. ТЕВ*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КАК КАНАЛ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли парламентского опыта в предшествующей карьере членов правительства РФ. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, включающая анкеты на 136 персон, входивших в правительство России в 2000–2021 гг. Автор делает вывод о том, что Федеральное собрание является второстепенным каналом рекрутирования правительственной элиты, которая в основном приходит из административных органов и нередко имеет опыт работы в бизнесе. Это неудивительно, поскольку парламент – слабый политический институт, контролируемый главой государства и не оказывающий большого влияния на формирование правительства. Впрочем, распространенность парламентского опыта варьируется в различных правительствах: относительно часто он встречается в кабинете М.М. Касьянова, втором правительстве В.В. Путина и первом правительстве Д.А. Медведева, тогда как у членов кабинета М.В. Мишустина он отсутствует вовсе.

Члены правительства с законодательным опытом обычно работали на руководящих позициях в легислатуре: вице-спикеров, председателей комитетов и руководителей фракций. Распространенность парламентского опыта также варьируется в зависимости от типа правительственной должности: заместители председателя правительства чаще являются выходцами из легислатуры, чем министры, особенно экономические и силовые. Для вице-премьеров опыт работы на руководящих должностях в парламенте и партиях, вероятно, более важен в силу специфики их функций в правительстве и роли во внутриэлитных сетях и взаимодействиях.

* **Тев Денис Борисович**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: denis_tev@mail.ru

© Тев Д.Б., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.03.08

Ключевые слова: парламент; Федеральное собрание; Государственная дума; Совет Федерации; члены правительства; вице-премьеры; министры; карьера.

Для цитирования: Тев Д.Б. Федеральное собрание как канал рекрутирования правительственной элиты России // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 185–210. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.08>

Введение

Роль парламентского опыта в карьере членов правительства является значимым предметом исследования по ряду причин. Во-первых, как отмечает М. Котта, правительственная элита может рассматриваться как конечный продукт процессов политического рекрутирования и формирования кабинета и, следовательно, как переменная, зависящая от обуславливающих эти процессы факторов, включая распределение между различными акторами власти и контроля над ресурсами и пр. С этой точки зрения профессиональные характеристики министров могут использоваться в качестве показателя особенностей этих процессов и факторов [Cotta, 1991, p. 174–175]. В частности, анализ законодательного опыта правительственных деятелей позволяет лучше понять и точнее оценить форму правления и политический режим данного общества, место законодательной власти в политической системе, степень влияния легислатуры (и представленных в ней партий) и характер ее взаимоотношений с исполнительной властью, отражением и закреплении которых могут служить карьерные траектории министров.

Во-вторых, опыт членства министров в национальном парламенте может влиять на их политические установки и характер проводимой ими политики. Хотя эмпирических данных, систематически подтверждающих эту зависимость, обнаружить не удалось, есть исследования, показывающие влияние других типов профессионального опыта, например в силовых структурах [Horowitz, Stam, 2010] или бизнесе [Dreher, Lein, Lamla, Somogyi, 2009; Jochimsen, Thomasius, 2014; Scharfenkamp, 2016], на поведение государственных деятелей. В принципе, члены правительства с парламентским опытом, карьера которых в значительной степени зависела от прямой народной легитимации, могут быть более восприимчивы к предпочтениям избирателей и более привержены институтам представительной демократии, чем их коллеги, при-

шедшие из других сфер (государственной службы, бизнеса и пр.). Также в своей политике они могут быть склонны в большей степени учитывать мнение депутатского корпуса, с представителями которого у них в ходе карьеры, вероятно, сложились тесные знакомства и связи.

В связи с этим, в-третьих, исследование роли парламента как канала рекрутирования министров необходимо и для оценки степени межфракционной элитной интеграции, одним из показателей которой могут выступать переходы из представительной в исполнительную власть, создающие динамические переплетения законодательной и правительственной элит. Вообще, как отмечает У. Хоффман-Ланге, «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций, служат важным показателем элитной интеграции» [Hoffmann-Lange, 2018, p. 63].

Распространенность членства в национальном парламенте в предшествующей карьере правительственных деятелей за рубежом и в России: обзор исследований

Роль парламента как канала рекрутирования членов правительства за рубежом сильно варьирует. В странах Западной Европы общенациональная легислатура является одним из важнейших агентов социализации и поставщиков министров [De Winter, 1991]. Это, прежде всего, касается парламентских демократий, в которых правительство подотчетно легислатуре и зависит от доверия депутатов, например, таких, как Великобритания, ФРГ и Италия. В Великобритании все министры рекрутируются из парламента и являются его членами в период исполнения полномочий, а кроме того, обычно продолжают работать в нем и после отставки [Stolz, Kintz, 2014]. В ФРГ 77% министров были членами бундестага, причем 70% из них работали в нем более 8 лет [Fischer, Kaiser, 2009, p. 28]. В Италии до 1990-х годов наличие парламентского опыта было почти обязательным для министров, и, хотя затем доля выходцев из легислатуры существенно упала, она все же превышала половину [Cotta, Verzichelli, 2005, p. 117; Verzichelli, Cotta, 2018, p. 93]. Впрочем, и в западноевропейских государствах с по-

лупрезидентской формой правления парламентский опыт широко распространен среди правительственной элиты. Так, во Франции его имели примерно две трети министров [Kam, Indridason, 2009, p. 45], хотя и здесь доля выходцев из легислатуры резко (до 44%) сократилась в правительстве Э. Макрона, сформированном в 2017 г. [Заранкин, 2018, с. 74]. В сравнении со старыми европейскими демократиями, в постсоциалистической Восточной Европе парламентский опыт в целом реже, но тоже довольно широко распространен среди министров: в разных странах его имели от 35% до 56% членов правительства [Semenova, 2018, p. 181].

В США, по форме правления являющихся президентской республикой, в которой члены кабинета отбираются и назначаются главой государства и подотчетны ему, национальная легислатура, напротив, играет второстепенную роль в качестве источника рекрутирования министров. Так, в 1961–1992 гг. только 16% членов кабинета были выходцами из Конгресса – в основном из палаты представителей (среди министров лишь пятеро были сенаторами) [Bennett, 1996, p. 126–128].

В других странах мира роль парламента как канала рекрутирования министров также сильно различается. В частности, в таких президентских республиках Латинской Америки, как Аргентина [Camerlo, 2015, p. 231–232] и Чили [Siavelis, Galván, 2015, p. 253], законодательный опыт имеет только меньшинство министров, хотя в Аргентине оно значительно и составляет порядка трети. В то же время в таких парламентских демократиях, как Израиль [Kenig, Barnea, 2015, p. 187] и Япония [Masuyama, Nyblade, 2015, p. 69–72], законодательный опыт характерен для большей части членов правительства (причем в Японии избрание большинства министров из легислатуры предусмотрено Конституцией).

Следует отметить, что в последние несколько десятилетий во многих зарубежных странах, хотя и далеко не везде, в отборе министров наблюдается технократическая тенденция: роль парламента-ско-партийного канала рекрутирования снижается, и среди членов правительства растет доля «специалистов» – выходцев извне политической сферы: государственной администрации, бизнеса, академических кругов. В Европе эта тенденция отчетливо проявилась, например, во Франции и Италии. В качестве способствующих ей факторов называются усложнение современного правления, кризис партийной системы, «президентализация» политики

(возросшая автономия премьер-министров), политические и экономические кризисы, распространение президентских и полупрезидентских форм правления и пр., хотя исследователи признают, что их влияние далеко не однозначно [Costa Pinto, Cotta, Tavares de Almeida, 2018; Semenova, 2020].

Что касается России, то здесь, как отмечал Ю. Хаски, легитимность правительственной элиты «зависит меньше от народного мандата, чем от претензии на техническую компетентность и широкого опыта государственного управления» [Huskey, 2010, p. 364]. Как показывают исследования, ведущим каналом рекрутирования членов правительства РФ является государственная служба (административные структуры), тогда как органы представительной власти, включая федеральный парламент, играют довольно скромную, второстепенную роль, и их значение падает. Так, по данным Е. Семеновой, если в период правления Б.Н. Ельцина каждый пятый министр имел опыт работы в федеральном парламенте, то при В.В. Путине и Д.А. Медведеве эта доля сократилась до 7% ([Semenova, 2015, p. 147], см. также: [Заранкин, 2018, с. 115]). В целом более значимую роль легислатуры как поставщика министров в 1990-е годы, вероятно, можно считать одним из показателей большей демократичности политического режима, существовавшего в то время. Впрочем, и в постельцинской России распространенность предшествующего членства в Федеральном собрании (ФС) среди министров существенно варьировалась в разные периоды [Заранкин, 2018, с. 115]. Также присутствие федерального законодательного опыта было неодинаковым и среди различных должностных сегментов правительственной элиты: он гораздо чаще встречался у вице-премьеров, чем у министров силового и особенно экономического блока [Semenova, 2015, p. 148].

Важный вклад в понимание факторов рекрутирования парламентариев в органы исполнительной власти, включая правительство РФ, внесло недавнее исследование А. Ширикова. Основываясь на материалах анализа карьер депутатов Госдумы 2004–2016 гг., он пришел к выводу, что усилия в законодательной работе не повышают вероятность такого рекрутирования, которому способствуют опыт работы в федеральной и региональной администрациях, предшествующий депутатству, а также личные связи [Shirikov, 2022]. Вместе с тем он отмечает, что «парламент все же может быть полезной ступенькой на пути к правительственной

карьере высокого уровня», поскольку работа в Думе позволяет «повысить личную известность и установить важные личные связи с правительственными чиновниками», а также «продемонстрировать руководству свои качества и опыт» [Shirikov, 2022, p. 571].

Следует, однако, отметить, что в вышеупомянутых исследованиях правительственной элиты РФ, результаты которых, безусловно, улучшили наше понимание рассматриваемого вопроса, парламентский опыт все же скорее затрагивался вскользь, наряду с другими типами профессионального опыта, предшествующего вхождению в правительственную должность. Что касается работы А. Ширикова, то там законодательный опыт хоть и анализируется подробно, но в связи с рекрутированием парламентариев не только в правительство, но и в аппарат федеральной исполнительной власти вообще, а также в администрацию президента и ряд других органов (ЦИК, Счетную палату). В связи с этим представляется необходимым исследование, специально посвященное роли федерального парламента как канала рекрутирования членов правительства РФ, с тем чтобы более подробно описать характеристики их опыта работы в легислатуре. В частности, важно ответить на вопросы о том, насколько часто парламентская должность служила прямым трамплином к правительственному посту, какова продолжительность членства в легислатуре, как законодательный опыт варьировался в разных кабинетах, какие именно позиции в парламенте занимали будущие министры, каково соотношение законодательного и административного опыта в их карьерах. Также следует проанализировать факторы, влияющие на распространенность и другие особенности парламентского опыта, и, прежде всего, роль формы правления и политического режима.

Форма правления и политический режим РФ как факторы распространенности парламентского опыта среди членов правительства

Структура возможностей правительственной карьеры в России, включая рекрутирование выходцев из парламента на министерские посты, может определяться рядом обстоятельств. Как представляется, особенно важную роль играют установленная конституцией форма правления (обзор зарубежных исследований

показал, что форма правления отчасти связана с долей законодателей среди министров) и фактически сложившийся в стране политический режим, задающие распределение власти в процессе формирования правительства.

Действующая Конституция РФ 1993 г. предусматривает смешанную, полупрезидентскую форму правления, особенностью которой является двойная ответственность правительства – перед президентом и парламентом. Однако решающая роль в процессе формирования правительства отводится именно президенту при слабом влиянии парламента (в этой связи см.: [Fish, Kroenig, 2009, p. 560–562]). До принятия в 2020 г. поправок в конституцию предусматривался порядок, при котором президент назначает премьер-министра и, по его предложению, других членов правительства (вице-премьеров и министров). Для назначения премьер-министра президенту требуется согласие нижней палаты парламента – Государственной думы (ГД), однако в случае трехкратного отклонения представленных президентом кандидатур он назначает премьер-министра и распускает ГД. Президент также принимает решение об отставке правительства, а парламента, хотя и может выразить недоверие правительству, не может самостоятельно отправить его в отставку¹. В отличие от парламентских демократий, в РФ срок полномочий правительства ограничен сроком полномочий президента, а не парламента; также недопустимо совмещение парламентской и правительственной позиций. Конституционные поправки 2020 г. изменили распределение полномочий². Госдума получила право утверждать кандидатуры вице-премьеров и министров (кроме глав МИД и «силовых» ведомств, которые теперь назначаются президентом после консультаций с СФ, ни к чему его, впрочем, не обязывающих), причем президент не вправе отказать в назначении их на должность. Но если Госдума трижды отклонит представленные премьер-министром кандидатуры, президент вправе назначить их. Кроме того, если после трехкратного отклонения ГД представленных кандидатур более

¹ См.: Конституция Российской Федерации. Главы 4, 5, 6. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата посещения: 23.11.2022).

² См.: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Главы 4, 5, 6 // КоснультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата посещения: 23.11.2022).

одной трети должностей членов правительства (за исключением главы МИД и силовиков) остаются вакантными, президент вправе распустить Госдуму. В свою очередь, председатель правительства лишился права представлять президенту кандидатов на должности министров силового блока и главы МИД. С формально-правовой точки зрения эти новшества несколько усилили роль парламента в формировании правительства, и кроме того, ослабили и без того не слишком широкие полномочия премьер-министра¹. Следует, впрочем, отметить, что они относятся к самому концу исследуемого периода: всего несколько министров впервые вошли в правительство после вступления поправок в силу.

Однако помимо формального распределения полномочий, принципиально важно то, что в России сложился политический режим, в рамках которого президент доминирует, а парламент является слабым и зависимым институтом, контролируемым главой государства посредством пропрезидентской партии «Единая Россия» (представляющей собой, по сути, придаток административной власти [Golosov, 2011, p. 636–637; Makarenko, 2012, p. 43; Roberts, 2012, p. 230; Sakwa, 2012, p. 320]). Необходимо, впрочем, оговориться, что парламент в России отнюдь не просто *rubber stamp*, и выполняет ряд важных функций [Gandhi, Noble, Svolik, 2020; Помигуев, 2023, с. 27]. Одна из них – кооптация оппозиции (реальной или потенциальной) [Reuter, Robertson, 2015], представители которой получают парламентские должности (и, соответственно, некоторое политическое влияние и доступ к ренте) в обмен на лояльность. Также парламент служит ареной для переговоров и торга между различными акторами исполнительной власти; площадкой, на которой происходят и разрешаются споры и конфликты между ними (что находит свое выражение в поправках, которые Госдума часто принимает к законопроектам, инициированным исполнительной властью [Noble, 2020]). При этом фактическая роль федеральной легислатуры (и «партии власти») в формирова-

¹ Подробнее см.: Как поправки в Конституцию изменят систему управления страной // Ведомости. – 23.01.2020. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/23/821286-kak-popravki> (дата посещения: 01.11.2022); Комин М. «Супервето», отставка судей и слабый премьер. Пять главных изменений в Конституции, которые наделяют будущего президента почти безграничной властью // Новая газета. – 24.01.2020. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/24/83608-superveto-otstavka-sudey-i-slabyy-premier> (дата посещения: 01.11.2022).

нии правительства, как и ответственность кабинета перед ней, преимущественно декоративны, а президент пользуется широкой свободой в выборе кандидатур на правительственные должности.

Какое влияние на источники рекрутирования и карьеру министров в России может оказывать описанное выше распределение власти, заданное формой правления и политическим режимом? Учитывая слабость парламента (и представленных в нем партий), можно ожидать (и это показали предыдущие исследования), что опыт работы в ФС будет редко встречаться среди членов правительства РФ, что рекрутирование, особенно непосредственное, федеральных законодателей на правительственные должности будет нетипичной практикой и происходить скорее в исключительных случаях.

При малозначимой роли парламентского опыта решающими будут такие вытягивающие факторы рекрутирования его членов, как лояльность, близость к президенту и специализированная компетентность [Semenova, 2015, p. 147]. В этих условиях можно ожидать (что также продемонстрировали предыдущие исследования) широкого притока в кабинет высокопоставленных госслужащих из федеральных органов исполнительной власти и администрации президента (АП). Они, во-первых, обладают не только управленческим опытом, но и, что касается выходцев из аппарата соответствующих министерств, технической компетентностью. Здесь, кстати, важно добавить, что формированию правительственной элиты из бюрократов и технократов, сделавших внутриминистерскую карьеру (а также карьеру в подведомственных министерствам организациях), может способствовать и влияние наследия советского периода («эффект колеи»), когда такая практика была типичной [в этой связи см.: Huskey, 2010, p. 365; Semenova, 2020]. Во-вторых, президенты склонны «выбирать людей, которых они знают лично, поскольку гораздо легче оценить кого-то уже известного, чем собрать информацию, необходимую для оценки неизвестного» [Burstein, 1977, p. 194]. В этом смысле высокопоставленные чиновники, прежде всего, из администрации президента, также пользуются значительным преимуществом перед парламентариями. Ведь именно с ними президент, играющий решающую роль в формировании правительства, наиболее тесно и интенсивно взаимодействует при осуществлении своих полномочий (более того, он часто назначает их на свои должности), что способствует

складыванию знакомств и доверительных отношений, дает главе государства возможность непосредственно оценить их лояльность и деловые качества.

Кроме того, оба президента РФ (В.В. Путин и Д.А. Медведев), не имея опыта работы в парламенте, сделали в постсоветский период исключительно (в первом случае) или в основном (во втором случае) административную карьеру, которая благоприятствовала формированию у них связей именно среди административной, а не законодательной элиты.

Данные и метод

Объектом исследования стали члены правительств РФ, сформированных и действовавших в послеельцинский период, т.е. во время президентств В.В. Путина и Д.А. Медведева, в 2000–2021 гг. Согласно конституции, правительство России состоит из председателя правительства, его заместителей и федеральных министров. В исследуемую совокупность были включены все персоны (всего 136 человек), занимавшие указанные должности с 17 мая 2000 г., когда было образовано правительство М.В. Касьянова (предшествующее правительству В.В. Путина, подавляющее большинство членов которого были назначены еще в 1990-е годы, при президенте Б.Н. Ельцине, не рассматривалось) по начало января 2022 г., когда собиралась биографическая информация¹. Всего за это время функционировало восемь правительств РФ. Причем в анализ были включены только «полноправные» министры, а временно исполняющие обязанности не учитывались. Поскольку десять членов правительства входили в него в рассматриваемый период два раза с перерывом, они были учтены дважды, и общий объем исследуемой совокупности составил 146 единиц; количество членов различных кабинетов приведено в табл. 1.

¹ Следует отметить, что с этого момента до 7 мая 2024 г., когда правительство М.В. Мишустина ушло в отставку, в него вошел лишь один новый член – глава МЧС А.В. Куренков, не имеющий парламентского опыта, и учет этого случая не повлиял бы существенно на результаты исследования.

Таблица 1

**Количество членов различных правительств РФ
в 2000–2021 гг., человек**

Кабинет	Количество персон
Правительство М.М. Касьянова (2000–2004)	44
Первое правительство М.Е. Фрадкова (2004–2004)	17
Второе правительство М.Е. Фрадкова (2004–2007)	24
Правительство В.А. Зубкова (2007–2008)	22
Правительство В.В. Путина (2008–2012)	34
Первое правительство Д.А. Медведева (2012–2018)	42
Второе правительство Д.А. Медведева (2018–2020)	32
Правительство М.В. Мишустина (с 2020)	35

На каждого члена правительства была заполнена биографическая анкета, содержащая сведения о его карьерном пути. В качестве источников информации использовались сайты органов государственной власти и других организаций, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (такие как viperson.ru, lobbying.ru).

Результаты исследования

*Количественные характеристики законодательного опыта
правительственной элиты.*

Таблица 2 показывает каналы рекрутирования правительственной элиты в 2000–2021 гг.

Как и предполагалось, доминирующую роль играют административные органы (в основном федерального уровня – опыт работы в них имеют 75%, причем 39% министров ранее работали в возглавляемом ими министерстве). Довольно распространена занятость в коммерческих организациях (бизнесе), причем нередко подведомственных соответствующим министерствам. В то же время представительные органы, как и ожидалось, имеют явно второстепенное значение в качестве поставщиков членов правительства. Из таблицы 2 также видно, что лишь в отдельных случаях правительственные деятели более или менее непосредственно приходили из легислатур, занимая в них позицию, предшествующую и предпредшествующую правительственной должности.

Таблица 2

Каналы рекрутирования членов правительства РФ, % (N=146)

Каналы рекрутирования	Наличие опыта работы	Половина и более постсоветской карьеры до вхождения в правительство	Должность, предшествующая вхождению в правительство	Должность, предшествующая вхождению в правительство
Административные органы (после 1991 г.)	87	58	69	74
Представительные органы (после 1993 г.)*	16	3	6	4
Коммерческие организации после 1991 г.	56 (68**)	22 (25**)	14 (18**)	11 (25**)
Научно-образовательные организации	49	9	7	10

** Если учитывать также опыт членства в ВС СССР (1989–1991), ВС РСФСР (1990–1993), а также региональных и местных советах (1990–1993), то доля членов правительства с законодательным опытом возрастет до 20%, а доля тех, в чьей предшествующей постсоветской карьере такой опыт доминирует, – до 4%.

* С учетом тех, кто входил в советы директоров в качестве чиновников.

В таблице 3 показано распределение законодательного опыта членов правительства между органами представительной власти разного уровня.

Таблица 3

Опыт членства правительственной элиты РФ в представительных органах различного уровня до вхождения в правительство, % (N=146)

Представительный орган	Наличие опыта	Должность, предшествующая вхождению в правительство	Должность, предшествующая вхождению в правительство
Федеральное собрание	12*	5	3
<i>В том числе</i>			
Совет Федерации	6	1	1
Госдума	8	4	2
Региональные ЗС	7	0	1
Местные думы	2	1	0
Всего	16**	6	4

* Сумма цифр в этой строке меньше суммы цифры в двух последующих строках, поскольку одна и та же персона могла иметь опыт работы и в Госдуме, и в Совете Федерации.

** Сумма цифр в этой строке меньше суммы цифры в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона могла в разное время заседать в различных органах представительной власти.

Наиболее распространено членство в Федеральном собрании, причем немного чаще будущие члены правительства заседали в Госдуме, чем в Совете Федерации. Следует отметить, рекрутирование в правительство непосредственно из ФС происходило весьма редко. Кроме того, лишь у четырех (3%) правительственных деятелей опыт работы в ФС играл ведущую роль в постсоветской карьере, составляя не менее половины профессионального пути, и только семь (5%) министров и вице-премьеров провели в ФС свыше пяти лет (в том числе четверо заседали в ГД в течение хотя бы двух полных созывов). Важно отметить, что большинство членов правительства с парламентским опытом также имели более или менее длительный постсоветский опыт работы в административных органах (только у двоих он отсутствовал), как федерального, так и регионального (прежде всего, в качестве губернаторов – восемь человек) уровня, и именно административные (а не законодательные) посты в большинстве случаев служили для них прямым трамплином к правительственным должностям. Впрочем, как видно из таблицы 4, распространенность среди правительственных деятелей членства в ФС варьировалась в различных кабинетах.

Доля выходцев оттуда была сравнительно велика в кабинете М.М. Касьянова. Отчасти это могло отражать наследие периода правления Б.Н. Ельцина, когда парламент в целом играл более значимую роль в качестве канала рекрутирования правительственной и административной элиты, чем в последующие десятилетия. Кроме того, стоит отметить, что в это время только складывался контроль президента над легислатурой, которая играла более самостоятельную роль. В последующих кабинетах М.Е. Фрадкова и В.А. Зубкова доля персон с парламентским опытом снизилась. Далее она существенно возросла во втором правительстве В.В. Путина и достигла максимума в первом правительстве Д.А. Медведева. Затем доля выходцев из федеральной легислатуры вновь резко сократилась, и в нынешнем правительстве М.В. Мишустина их нет вообще (хотя несколько чиновников ранее заседали в региональных законодательных собраниях). При этом на протяжении всего рассматриваемого периода случаи прямого рекрутирования парламентариев в данный состав кабинета были весьма редки или вовсе отсутствовали. В правительстве М.М. Касьянова и первом кабинете М.Е. Фрадкова было по одному такому деятелю, в последующих кабинетах (второе правительство М.В. Фрадкова и правительство В.А. Зубкова) их вообще не было.

Максимума их присутствие достигло во втором правительстве В.В. Путина (двое – по одному из ГД и СФ). Вообще, нужно отметить, что в этом кабинете 2008–2012 гг. было сразу нескольких персон, в постсоветской предправительственной карьере которых парламентский (а также партийный) опыт доминировал, что можно отчасти объяснить особой важностью электоральных соображений для премьер-министра В.В. Путина, намеренного вновь баллотироваться на пост президента (далее это обстоятельство рассматривается подробнее). В следующем кабинете под председательством Д.А. Медведева был всего один прямой выходец из парламента, а в дальнейших правительствах их не было.

Таблица 4

**Предшествующий федеральный парламентский опыт
членов различных правительств РФ, %**

Кабинет	Членство в ФС (в том числе непосредственно перед вхождением в данный кабинет)	Депутаты ГД (в том числе непосредственно перед вхождением в данный кабинет)	Члены / депутаты СФ (в том числе непо- средственно перед вхождением в данный кабинет)
Правительство М.М. Касьянова (2000–2004) (n=44)	14 (2)*	9 (2)	7 (0)
Первое правительство М.Е. Фрадкова (2004–2004) (n=17)	6 (6)	6 (6)	0 (0)
Второе правительство М.Е. Фрадкова (2004–2007) (n=24)	8 (0)	4 (0)	4 (0)
Правительство В.А. Зубкова (2007–2008) (n=22)	5 (0)	5 (0)	0 (0)
Правительство В.В. Путина (2008–2012) (n=34)	15 (6)	9 (3)	6 (3)
Первое правительство Д.А. Медведева (2012–2018) (n=42)	19 (2)	12 (0)	10 (2)
Второе правительство Д.А. Медведева (2018–2020) (n=32)	6 (0)	3 (0)	3 (0)
Правительство М.В. Мишустина (с 2020) (n=35)	0 (0)	0 (0)	0 (0)

* Следует добавить, что еще два члена этого кабинета, не имея опыт членства в ФС, работали депутатами последнего созыва Верховного совета РСФСР, функционировавшего до 1993 г., а один – в Верховном совете СССР 1989–1991 гг.

Таблица 5

**Распределение предшествующего федерального
парламентского опыта членов правительства
по типу должности, %**

Тип правительственной должности	Членство в ФС	Депутаты ГД	Члены / депутаты СФ	Членство в ФС составляет не менее половины постсоветской карьеры до вхождения в правительство
Премьер-министры (n=6)	0	0	0	0
Вице-премьеры (n=41)	17	10	10	7
Экономические министры (n=46)	7	7	2	0
Социальные министры (n=23)	13	9	4	0
Силовые министры (n=14)	7	7	0	0
Вся правительственная элита (n=146)	12	8	6	3

Говоря подробнее об особенностях федеральной законодательной карьеры правительственных деятелей, следует отметить, что в большинстве случаев в правительство рекрутировались не рядовые парламентарии, а персоны, имевшие опыт работы на руководящих должностях в Госдуме или Совете Федерации. В сравнении с рядовыми законодателями, высокопоставленные парламентарии обычно более заметны для президента и других руководителей государства, отбирающих членов правительства. В общей сложности одиннадцать членов правительства ранее занимали в парламенте такие посты, как заместитель председателя палаты (двое), председатель комитета (девять) и руководитель фракции (трое). Причем в некоторых случаях специализация парламентского комитета, который возглавлял будущий министр или вице-премьер, соответствовала его функциям в правительстве. Что касается партийной принадлежности членов правительства, ранее заседавших в федеральном парламенте, то подавляющее большинство состояло в ЕР и/или ее предшественниках – ОВР и «Единстве». Восемь человек были связаны также с другими партиями и движениями (включая выдвижение от них в парламент и членство во фракциях), среди которых КПРФ, «Родина», СПС, ДПР, НДР, «Яблоко». Следует, однако, подчеркнуть, что к моменту вхождения в правительство они в основном утратили связь с ними, всту-

пив в ЕР, за исключением двух человек, состоявших в ДВР и «Родине – КРО». Как варьируется распространенность опыта членства в парламенте в зависимости от типа правительственной должности? Таблица 5 показывает, что вице-премьеры имеют его существенно чаще, чем экономические и силовые министры¹.

Причем если среди вице-премьеров есть деятели, в предшествующей постсоветской карьере которых парламентский опыт доминирует, то среди трех рассматриваемых категорий министров таких персон нет. Эти различия можно объяснить рядом факторов. Можно предположить, что для министров, отвечающих за конкретные направления политики, особенно важна специализированная (техническая) компетентность, приобретению которой наиболее способствует длительный опыт работы именно в данном министерстве и подведомственных ему организациях. Для них характерна внутриминистерская бюрократическая карьера и/или занятость в коммерческих и иных организациях, входящих в сферу ответственности данного органа исполнительной власти. Впрочем, следует заметить, что и работа в соответствующих парламентских комитетах также может в некоторой степени формировать соответствующие знания и навыки. В сравнении с министрами, заместители председателя правительства в большей степени политические фигуры. Вице-премьеры, которым поручено курировать широкие области политики, контролировать и координировать деятельность целого ряда министерств и ведомств, скорее должны быть генералистами (а не специалистами) [Semenova, 2015, p. 149], для них, вероятно, важнее наличие более общей политической компетентности, формированию которой способствует, в частности, и опыт работы в легислатуре и партиях (хотя в российских условиях гораздо важнее, конечно, занятость в АП). Кроме того, вице-премьеры занимают особое место во внутриэлитных сетях и взаимодействиях. Как отмечает Е. Семенова, они связывают различные сегменты властной элиты (экономической, политической, административной); также они могут влиять на политическую повестку и общественное мнение через парламент и партии и формируют различных политических акторов об интересах прези-

¹ Стоит отметить, что и в Западной Европе вице-премьеры чаще имеют парламентский опыт, чем большинство других членов правительства [Bakema, 1991, p. 94–95].

дента [Semenova, 2015, p. 149]. Эффективному функционированию вице-премьеров в этом качестве должно способствовать наличие у них разнообразного профессионального опыта, включая опыт руководящей работы в легислатуре и парламентских партиях, а знает, и соответствующих знаний различных сфер и связей в них.

Анализ случаев рекрутирования выходцев из парламента на правительственные посты

Некоторые случаи назначения в правительство персон с опытом работы в Федеральном собрании заслуживают особого рассмотрения. Как уже отмечалось, в большинстве их парламентская позиция не была непосредственным трамплином к правительственному посту, а в этом качестве выступала административная должность. В ряде случаев это был пост губернатора. Примерами служат министр строительства и ЖКХ М.А. Минь и министр сельского хозяйства А.Н. Ткачев. Оба были депутатами Госдумы задолго до того, как вошли в правительство. К моменту назначения министрами они длительный срок возглавляли регионы (Минь – Ивановскую область, Ткачев – Краснодарский край), причем уже давно утратили связь с теми партиями (соответственно с «Яблоком» и КПРФ), при поддержке которых избирались в нижнюю палату парламента, и вступили в ЕР. Сходным образом на момент назначения министрами продолжительное время работали губернаторами бывшие члены СФ В.А. Яковлев (Санкт-Петербург), В.И. Ишаев (Хабаровский край) и И.Н. Слюняев (Костромская область). Причем первые двое входили в верхнюю палату по должности (кроме того, Ишаев заседал в Совете Федерации первого созыва), а последний был ее членом до назначения губернатором. Очевидно, что во всех этих случаях именно пост губернатора, а не парламентская должность, открыл доступ к министерской позиции (вообще, централизация власти в 2000-е годы способствовала движению кадров между федеральной и региональной администрациями).

В случае Г.Н. Кареловой и А.П. Починка прямым трамплином к правительственной должности служила позиция не в региональной, а в федеральной администрации. Карелова в течение примерно шести лет работала в министерстве труда и социального

развития, а до этого несколько лет была депутатом Совета Федерации и Госдумы, а бывший депутат нижней палаты Починок до назначения министром был руководителем департамента аппарата правительства, а также главой Госналогслужбы. Депутатская позиция в этих случаях, видимо, открыла доступ к федеральной административной карьере, которая постепенно привела к членству в правительстве.

Как представляется, более значительное и прямое влияние парламентского поста на правительственную карьеру имеет место в случае министра национальной политики В.Ю. Зорина и министра культуры В.Р. Мединского. Оба к моменту назначения уже не были депутатами Госдумы: Зорин занимал пост в полпредстве президента в ПФО, а Мединский, проиграв выборы в Думу в 2011 г., работал в сфере высшего образования. Однако они заняли правительственные посты спустя сравнительно короткое время после выбытия из нижней палаты. Заседая в Думе, оба возглавляли комитеты, профиль которых соответствовал специализации тех министерств, которыми они позднее руководили (комитет по делам национальностей и комитет по культуре). Представляется, что в данных случаях компетенции, авторитет и связи, приобретенные на посту председателя комитета, существенно облегчили доступ к соответствующим правительственным должностям. Также работа на посту председателя комитета повысила заметность и известность этих депутатов президенту и другим руководителям государства, отбирающим министров.

Еще один интересный пример косвенного рекрутирования парламентария в правительство представляет собой Д.О. Рогозин. К моменту назначения вице-премьером он уже почти четыре года занимал пост постпреда РФ при НАТО, но до этого десять лет (половину предшествующей вхождению в правительство постсоветской карьеры) работал в Госдуме. При этом в разное время занимал ряд руководящих постов: председателя комитетов по международным делам и безопасности, руководителя фракции «Родина», заместителя председателя Думы. В прессе отмечалось, что одним из мотивов назначения Рогозина вице-премьером в декабре 2011 г., стало стремление премьер-министра Путина, собиравшегося баллотироваться в президенты, заручиться поддержкой национали-

стически настроенного электората партии «Родина»¹ (по существу, речь шла о кооптации оппозиции).

Немногочисленные примеры непосредственного рекрутирования парламентариев в правительство наиболее интересны, поскольку, как представляется, именно в этих случаях ресурсы, возможности и амбиции, сопряженные с законодательной позицией, могли сыграть наиболее значимую роль в достижении правительственного поста. Так, А.Д. Жуков, возглавлявший бюджетный комитет ГД (и являющийся, вместе с В.В. Володиным и Д.О. Rogozinym, одним из немногих членов правительства, в чьей постсоветской предправительственной карьере парламентский опыт доминировал), был назначен первым вице-премьером, курировавшим финансово-экономический блок. Как отмечали эксперты, в должности вице-премьера оказались востребованными не только техническая компетентность и репутация грамотного экономиста, приобретенная Жуковым на посту главы комитета, но и проявленная им в процессе работы над бюджетом способность согласовывать разнообразные интересы, договариваться с различными силами, находить компромисс². После работы в правительстве Жуков вернулся в Госдуму на пост вице-спикера.

Ключевая позиция в «партии власти» и ее парламентской фракции, по-видимому, сыграла решающую роль в назначении В.В. Володина вице-премьером – руководителем аппарата правительства. С одной стороны, это назначение было своего рода жестом в сторону ЕР, призванным продемонстрировать политическую субъектность и значимость этой партии и ее думской фракции (которые обычно считаются придатком административного аппарата),

¹ Курировать ВПК России назначен Дмитрий Рогозин // BBC. – 23.10.2011. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111223_rogozin_appointment_defence (дата посещения: 15.11.2022).

² См.: Александр Жуков стал единственным вице-премьером в новом правительстве. Не силовик, не питерский и даже не дзюдоист, а чем-то заслужил // VIPERSON.RU. – 05.04.2004. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-zhukov-stal-edinstvennym-vitse-premierom-v-novom-pravitelstve-ne-silovik-ne-piterskiy-i-dazhe-ne-dzyudoist-a-chem-to-zasluzhil> (дата посещения: 27.11.2022); Александр Шохин: Влиятельные члены старого кабинета, занимающие посты вице-премьеров, станут министрами в новом // VIPERSON.RU. – 3.03.2004. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-shohin-vliyatelnye-chleny-starogo-kabineta-zanimayuschie-posty-vitse-premierov-stanut-ministrami-v-novom> (дата посещения: 12.11.2022).

ее важность в качестве карьерного лифта. С другой стороны, важную роль сыграли и приобретенные Володиным на высших партийных и парламентских постах знание политических механизмов, опыт руководства избирательными кампаниями и кадровой политикой, репутация грамотного управленца, способного согласовывать различные интересы внутри «партии власти» и ее думской фракции. Новый вице-премьер был, прежде всего, призван заниматься предвыборной кампанией В.В. Путина, намеренного вернуться на пост президента и стремившегося «смотреть на работу правительства электоральными глазами»¹. После работы в правительстве, а затем на посту заместителя руководителя администрации президента, Володин вернулся в Думу, заняв пост спикера.

Также показателен пример Б.В. Грызлова, который перешел на должность министра внутренних дел непосредственно с поста руководителя фракции «Единство» в нижней палате. Как уже отмечалось, для министров, отвечающих за конкретные направления политики, особенно важна специализированная компетентность, приобретению которой наиболее способствует длительный опыт работы именно в данном министерстве и подведомственных ему организациях (причем особенно это характерно для министров-силовиков). Однако в ряде случаев президент сознательно ставил во главе министерства персону, вообще прежде не занятую в нем и курируемой им сфере, с тем чтобы такой министр обладал автономией от различных внутриведомственных интересов и твердо проводил политическую волю главы государства. К таким министрам и относился Б.В. Грызлов, которого называли «комиссаром» В.В. Путина, призванным реформировать МВД². Примечательно также, что после работы в правительстве он вернулся в Думу, став

¹ Становая Т. Электоральное правительство // ПОЛИТКОМ. RU. – 2010. – 25 октября. – Режим доступа: <http://politcom.ru/10933.html> (дата посещения: 25.11.2022); Самарина А., Веденская А. Володин перешел на премьерский график // Независимая газета. – 22.10.2010. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2010-10-22/1_volodin.html (дата посещения: 14.11.2022); Тирмастэ М.-Л. «С Вячеславом Викторовичем мы все проговорили» // Коммерсантъ. – 22.10.2010. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1526108> (дата посещения: 14.11.2022).

² См.: Экс-«медведь» Грызлов дрессирует ментов. Реформа МВД начинается с генералов и губернаторов // Комсомольская правда. – 9.06.2001. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/22568/10044/> (дата посещения: 16.11.2022).

ее спикером (вообще рекрутирование правительственных деятелей на ключевые посты в парламенте можно рассматривать как форму проявления и одновременно способ упрочения контроля президента над Федеральным собранием). Вместе с тем следует отметить, что в случае Грызлова важную, вероятно, решающую, роль, как в парламентской, так и в правительственной карьере могли сыграть его личные связи с одним из ближайших соратников Путина Н.П. Патрушевым (они вместе учились в школе)¹. Кстати, то же, вероятно, можно сказать и о В.Л. Мутко, который перешел на пост министра спорта из верхней палаты парламента, а в 1990-е годы работал вместе с будущим президентом Путиным в мэрии Санкт-Петербурга.

В целом можно констатировать, что хотя в большинстве случаев рекрутирования в правительство выходцев из Федерального собрания парламентский опыт не был непосредственным и основным фактором их правительственной карьеры, иногда, несмотря на общую слабость парламента, высокопоставленным законодателям удавалось приобрести компетенции, репутацию, связи и влияние, сыгравшие прямую и решающую роль в их доступе к правительственным постам.

Заключение

Исследование показало, что парламент (Федеральное собрание) является второстепенным каналом рекрутирования правительственной элиты РФ, которая в основном приходит из административных органов (прежде всего, федерального уровня), а также часто имеет опыт работы в бизнесе. Только в отдельных случаях законодательная позиция была прямым трамплином к правительственной должности, и очень редко парламентский опыт играл доминирующую роль в постсоветской карьере будущих членов правительства. При этом следует отметить, что вице-премьеры и министры с парламентским опытом обычно также занимали и административные

¹ См.: Борис Грызлов уходит с поста спикера Госдумы. Кому и чему он обязан своей карьерой? // Forbes. – 14.12.2011. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/77549-boris-gryzlov-uhodit-s-posta-spikera-gosdumy-komu-i-chemu-obyazan-svoei-kareroi>

позиции (федерального или регионального уровня), которые играли, по-видимому, более важную роль в их карьерах, чаще выступая прямым трамплином к правительственной должности. Малозначимость федеральной легислатуры как источника рекрутирования министров неудивительна, учитывая тот факт, что она является подконтрольным президенту политическим институтом, который слабо влияет на формирование правительства.

Впрочем, роль парламентского опыта в карьерах правительственной элиты неодинакова в различных кабинетах. Он был относительно широко распространен среди членов кабинета М.М. Касьянова (первого сформированного после периода правления Б.Н. Ельцина, когда ФС вообще играло более значимую роль в качестве поставщика министров), а также во втором правительстве В.В. Путина и первом правительстве Д.А. Медведева. Впрочем, во всех правительствах прямое рекрутирование федеральных законодателей в данный состав кабинета происходило очень редко.

Следует отметить, что члены правительства, ранее заседавшие в ФС, обычно имели опыт работы на руководящих парламентских позициях (вице-спикеры, председатели комитетов, руководители фракций). В некоторых случаях на правительственной должности, по-видимому, оказывалась востребованной специфическая, «техническая» компетентность, приобретенная на посту главы комитета, специализация которого соответствовала специализации министерства. Однако важную роль в назначениях некоторых законодателей на правительственные посты могла играть и их более общая политическая компетентность (способность согласовывать различные интересы и находить компромисс внутри элиты, знание политических механизмов и электорального процесса и пр.), приобретенная на руководящих парламентских и партийных должностях.

Распространенность парламентского опыта варьирует в зависимости от типа правительственной должности. Вице-премьеры имеют его существенно чаще, чем министры экономического и особенно силового блока. Можно предположить, что для министров, отвечающих за конкретные направления политики, особенно важна специализированная, техническая компетентность, приобретению которой наиболее способствует опыт работы в данном министерстве и подведомственных ему организациях. Вице-

премьеры, курирующие широкие области политики, скорее должны быть генералистами, для которых важна более общая политическая компетентность, формируемая, в частности, и руководящей работой в законодательной и исполнительной власти. Также вице-премьеры занимают особое место во внутриэлитных сетях и взаимодействиях, связывая различные сегменты элиты (экономической, законодательной, административной), и эффективному функционированию их в этом качестве способствует наличие разнообразного профессионального опыта, включая парламентский и партийный, а значит, и знаний различных сфер и связей в них.

В целом можно предположить, что слабая распространенность опыта членства в ФС (и вообще законодательных органах) среди правительственной элиты России, при прочих равных условиях, негативно влияет на ее восприимчивость к предпочтениям избирателей и мнению депутатского корпуса, а также приверженность институтам представительной демократии.

D.B. Tev*

**The Federal Assembly as a channel of recruitment
of the Russian government elite**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of parliamentary experience in the previous career of the Russian Federation government members. The empirical basis of the study is a biographical database that includes questionnaires for 136 persons who were members of the Russian government in 2000–2021. The author concludes that the Federal Assembly is a secondary channel of recruitment of the government elite, which mainly comes from administrative bodies and often has experience in business. This is not surprising, since parliament is controlled by the head of state and has little influence on the formation of the government. However, the prevalence of parliamentary experience varies in different governments: it is relatively common in the cabinet of M.M. Kasyanov, the second government of V.V. Putin and the first government of D.A. Medvedev, while it is absent among members of the current cabinet M.V. Mishustin. Members of the government with legislative experience usually served in senior positions in the legislature: vice-speakers, chairmen of committees and leaders of factions. The prevalence of parliamentary experience also varies depending on the type of government position: deputy prime ministers are more likely to come from the legislature than economic and power ministers. For deputy prime ministers, experience in senior

* **Tev Denis**, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: denis_tev@mail.ru

positions in parliament and parties is more important due to the specifics of their functions in government and their role in intra-elite networks and interactions.

Keywords: parliament; Federal Assembly; State Duma; Federation Council; government members; vice-premiers; ministers; career.

For citation: Tev D.B. The Federal Assembly as a channel of recruitment of the Russian government elite. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 185–210. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.08>

References

- Bakema W.E. The Ministerial Career. In: Blondel J., Thiebault J-L (eds). *The profession of government minister in Western Europe*. New York: St. Martin's Press, 1991, P. 70–98.
- Bennett A.J. *The American President's cabinet: From Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996, 278 p.
- Burstein P. Political elites and labor markets: selection of American cabinet members, 1932–72. *Social forces*. 1977, Vol. 56, N 1, P. 189–201. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/56.1.189>
- Camerlo M. Argentina: The ministers of the president, 1983–2013. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers around the world*. London&New York: Routledge, 2015, P. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315757865>
- Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. Beyond party government? Technocratic trends in society and in the executive. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 1–27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-62313-9_1
- Cotta M. Conclusion. In: Blondel J., Thiebault J-L (eds). *The profession of government minister in Western Europe*. New York: St. Martin's Press, 1991, P. 174–198.
- Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: notables, party men, technocrats and media men. In: Tavares de Almeida P., Costa Pinto A., Bermeo N. (eds). *Who governs Southern Europe? Regime change and ministerial recruitment, 1850–2000*. London: Frank Cass Publishers, 2005, P. 109–142. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203499665>
- De Winter L. Parliamentary and Party Pathways to the Cabinet. In: Blondel J., Thiebault J-L (eds). *The profession of government minister in Western Europe*. New York: St. Martin's Press, 1991, P. 44–69.
- Dreher A., Lamla M.J., Lein S.M., Somogyi F. The impact of political leaders' profession and education on reforms. *Journal of comparative economics*. 2009, Vol. 37, N 1, P. 169–193. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2008.08.005>
- Fischer J., Kaiser A. Hiring and firing ministers under informal constraints Germany. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers in Europe: hiring and firing*. London & New York: Routledge, 2009, P. 21–40.
- Fish M.S., Kroenig M. *The handbook of national legislatures: a global survey*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 810 p.
- Gandhi J., Noble B. Svolik M. Legislatures and legislative politics without democracy. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1359–1379. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414020919930>

- Golosov G.V. The Regional roots of electoral authoritarianism in Russia. *Europe-Asia studies*. 2011, Vol. 63, N 4, P. 623–639. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>
- Golosov G. From post-democracy to dictatorship: consolidation of electoral authoritarianism in Russia. In: Rogov K. (ed.). *New reality: the Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?* Moscow: Liberal mission, 2021, P. 98–112. (In Russ.)
- Hoffmann-Lange U. Theory-based typologies of political elites. In: Best H., Higley J. (eds). *The Palgrave handbook of political elites*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 53–68. DOI 10.1057/978-1-137-51904-7_6
- Horowitz M., Stam A. *Does where you stand depend on if you served? How Military backgrounds influence the behavior of leaders*. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting. 2010. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (accessed: 09.09.2022).
- Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and post-communist studies*. 2010, Vol. 43, N 4, P. 363–372. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>
- Jochimsen B., Thomasius S. The perfect finance minister: whom to appoint as finance minister to balance the budget. *European journal of political economy*. 2014, Vol. 34 (C), P. 390–408. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002>
- Kam C., Indridason I. Cabinet dynamics and ministerial careers in the French Fifth Republic. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers in Europe: hiring and firing*. London & New York: Routledge, 2009, P. 41–57.
- Kenig O., Barnea S. Israel: the choosing of the chosen. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers around the world*. London & New York: Routledge, 2015, P. 178–198. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315757865>
- Makarenko B.I. The post-soviet party of power: united Russia in comparative context. *Russian social science review*. 2012, Vol. 53, N 4, P. 27–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.2753/RUP1061-1940500103>
- Masuyama M., Nyblade B. Japan: Ministerial selection and de-selection. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers around the world*. London & New York: Routledge, 2015, P. 61–83. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315757865>
- Noble B. Authoritarian amendments: legislative institutions as intraexecutive constraints in Post-Soviet Russia. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1417–1454. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414018797941>
- Pomiguel I.A. Subject field of legislative studies in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 16–41. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.01> (In Russ.)
- Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*. 2015, Vol. 77, N 1, P. 235–248. DOI: <https://doi.org/10.1086/678390>
- Roberts S.P. United Russia and the dominant-party framework: understanding the Russian party of power in comparative perspective. *East European politics*. 2012, Vol. 28, N 3, P. 225–240. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21599165.2012.684754>

- Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia. *East European politics*. 2012, Vol. 28, N 3, P. 310–327. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21599165.2012.683784>
- Scharfenkamp K. It's About Connections – how the economic network of the German federal government affects the top earners' average income tax rate. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 2016, Vol. 236, N 4, P. 427–453.
- Semenova E. Russia: cabinet formation and careers in a super-presidential system. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The selection of ministers around the world*. London & New York: Routledge, 2015, P. 139–155. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315757865>
- Semenova E. Recruitment and careers of ministers in Central Eastern Europe and Baltic Countries. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds). *Ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 173–202. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-62313-9_7
- Semenova E. Expert ministers in new democracies: delegation, communist legacies, or technocratic populism? *Politics and governance*. 2020, Vol. 8, N 4, P. 590–602. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v8i4.3397>
- Shirikov A. Who gets ahead in authoritarian parliaments? The case of the Russian State Duma. *The journal of legislative studies*. 2022, N 28 (4), P. 554–577. DOI: <https://doi.org/10.1080/13572334.2021.1940435>
- Siavelis P.M., Galván H.B. Chile: ministerial selection and de-selection. In: Dowding K., Dumont P. (eds). *The Selection of ministers around the world*. London & New York: Routledge, 2015, P. 244–263. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315757865>
- Stolz K., Kintz M. Post-cabinet careers in Britain and the US: theory, concepts and empirical illustrations. Paper prepared for the ECPR General Conference, Glasgow, September 3–6, 2014. Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (accessed: 11.11.2022)
- Verzichelli L., Cotta M. Shades of technocracy: the variable use of non-partisan ministers in Italy. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 77–110. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-62313-9_4
- Zarankin I.A. *Comparative analysis of models and factors of recruitment of government ministers of the Russian Federation and the French Republic*. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow, 2018, 194 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Заранкин И.А. Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2018.–194 с.
- Помигуев И.А. Предметное поле законодательных исследований в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 16–41. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.01>